

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории довоенного периода России, декан исторического факультета ПетрГУ

verigin@psu.karelia.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ФИНСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ (ЗИМНЕЙ) ВОЙНЕ 1939–1940 ГОДОВ

Статья посвящена истории создания и боевых действий Финской народной армии в период Зимней войны 1939–1940 годов. Показано, что Финская народная армия имела не столько военные, сколько политические цели.

Ключевые слова: Финская народная армия, Советско-финляндская (Зимняя) война 1939–1940 годов

Впервые об образовании Финской народной армии (ФНА) было сказано в Декларации Народного правительства Финляндии от 1 декабря 1939 года, опубликованной в газете «Правда». Ее текст гласил: «Для участия в совместной борьбе рука об руку с героической Красной армией СССР Народное правительство Финляндии уже сформировало первый финский корпус, который в ходе предстоящих боев будет пополняться добровольцами из революционных рабочих и крестьян и должен стать крепким ядром будущей Народной армии Финляндии. Первому финскому корпусу предоставляется честь принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики и водрузить его на крыше президентского дворца на радость трудящимся и страх врагам народа» [21]. Возглавил корпус Аксель Анттила, занявший также пост министра обороны в Народном правительстве.

Несколько дней спустя в той же «Правде» появилась «Резолюция первого корпуса Народной армии Финляндии», в которой выражалась полная поддержка Териокского правительства и решимость «до конца разгромить остатки господствовавшей в Финляндии и свергнутой ныне

власти бандитской шайки каяндеров и им подобных вроде правительства таннеров, которые всегда продавали и продают интересы финского народа иностранным империалистам и в угоду им вовлекли финский народ в преступную войну против СССР» [22].

Тексты всех документов о ФНА, как и о правительстве Куусинена, были написаны в традиционном для советской печати тех лет стиле и рассчитаны, прежде всего, на пропагандистский эффект: если не удастся ввести в заблуждение мировое общественное мнение, то хотя бы убедить советский народ относительно справедливых целей в войне против Финляндии.

Все дальнейшие публикации «Правды» продолжали формировать у читателей газеты веру в справедливость борьбы бойцов ФНА, самоотверженно сражавшихся за освобождение своего народа. В статьях и заметках сообщалось, что «бойцы и командиры – это представители трудового народа Финляндии: рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция», постоянно подчеркивалось, что каждый боец ФНА знает, за что борется, национальные герои полны решимости «покончить Маннергеймом, как умеют драться настоящие

щие финны», а «население освобожденных от белофиннов селений восторженно встречает народоармейцев» (цит. по: [14; 85]).

Такова была официальная точка зрения. Но что же на самом деле представляла собой ФНА? Очевидно, что решение о ее формировании было принято Сталиным еще до начала военных действий против Финляндии, так как за два первых дня войны создать первый корпус Народной армии было невозможно.

Финляндские и российские исследователи полагают, что политическое решение о создании ФНА принималось в Москве в середине ноября 1939 года, когда окончательно зашли в тупик советско-финляндские переговоры. Вполне возможно, что тогда же принималось решение о создании Народного правительства. Это подтверждают и архивные документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), к которым сравнительно недавно исследователи получили доступ. 19 ноября 1939 года нарком обороны К. Е. Ворошилов подписал приказ об образовании в Ленинградском военном округе (ЛВО) особого воинского подразделения – 106-й стрелковой дивизии, командиром которой назначался А. Анттила, финн по национальности, бывший до этого командиром 147-й дивизии Харьковского военного округа. 106-я дивизия должна была формироваться в Карелии и Ленинградской области из финнов, ингерманландцев, карел, а также лиц, владеющих финским или карельским языком [12; 1].

Однако создать ФНА полностью из национальных кадров не удалось. Возможно, что такая задача и не ставилась Сталиным. Большинство высших командных должностей в ФНА занимали русские. Средний и младший командный составы формировались в основном из национальных кадров. Впрочем, по свидетельствам очевидцев, были случаи, когда на одну офицерскую должность назначались два человека – финн и инспектирующий его русский. И только в рядовом составе преобладали финны и карелы.

Надо отметить, что в Карелии уже был опыт формирования национальных воинских подразделений. 15 октября 1925 года по инициативе правительства республики в Петрозаводске был сформирован отдельный карельский егерский батальон. Его командиром стал «красный» финн Э. Маттсон. Батальон состоял из трех стрелковых и одной саперно-пулеметной роты, имел взвод конных разведчиков, взвод связи, артиллерийский взвод, саперно-маскировочный взвод, хозяйственную команду, а также команду музыкантов. Общая численность бойцов батальона в 1927 году составляла 722 человека [16; 452–453].

Рядовой состав поступал в батальон по осеннему призыву из карельских деревень, комсостав был исключительно финским – из Петрозаводской интервоеншколы. В рядовом составе подавляющее большинство составляли карелы (65 %) и русские (34 %), в среднем и старшем

командном составе преобладали финны (60 %). Первая рота была смешанной, вторая рота – русской, третья – карельской [16; 452–453], [20; 119–120].

20 ноября 1930 года бюро Карельского обкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О необходимости развертывания отдельного карельского егерского батальона в отдельную егерскую бригаду» в связи с усилением «угрозы войны со стороны капиталистического мира против СССР». Создание отдельной карельской егерской бригады (ОКЕБ) было завершено к концу декабря 1931 года [20; 119–120].

Однако бригада просуществовала недолго. Осенью 1935 года сменилось партийно-советское руководство Карелии и началась «борьба с финским буржуазным национализмом», провозглашенная V пленумом Карельского обкома партии в октябре 1935 года. В январе 1935 года бригаду из егерской переименовали в стрелковую, а в марте было принято решение о ее расформировании. К декабрю 1935 года ОКЕБ перестала существовать [2; 10]. Начались репрессии против военнослужащих бригады. Первый ее командир Э. Маттсон был арестован 28 мая 1936 года в Москве; последний командир Николай Кальван был расстрелян в 1938 году. Всего было репрессировано свыше 200 командиров, сержантов и рядовых ОКЕБ. Из гордости республики егерская бригада к концу 1930-х годов превратилась в «гнездо шпионов, националистов и заговорщиков» [2; 76].

На основе 106-й стрелковой дивизии по приказу К. Е. Ворошилова от 23 ноября 1939 года в Петрозаводске началось формирование Управления и частей горно-стрелкового корпуса (ГСК) ФНА. В Управление корпуса вошли: командир – комдив Аксель Моисеевич Анттила, военный комиссар – бригадный комиссар Филипп Иванович Егоров, начальник штаба – комбриг Федор Николаевич Романов, всего 33 человека. Одновременно был создан и политотдел корпуса в составе 12 человек, в их числе: начальник политотдела – полковой комиссар Владимир Петрович Терешкин, его заместитель – Федор Николаевич Григорьев, редактор корпусной газеты «Kansan armeija» («Народная армия») – Михаил Иванович Мелентьев, секретарь партбюро управления – Петр Иванович Лайтинен и др. [2; 1 об.].

Шло формирование корпусных частей: отдельного саперного батальона, батальона связи, отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, особого отдела, прокуратуры, трибунала, а также стрелковых дивизий. Оперативность выполнения приказа наркома обороны К. Е. Ворошилова о развертывании частей ФНА в ноябре 1939 года в определенной мере объяснялась предварительной работой, осуществленной ранее, в конце лета – начале осени 1939 года. Здесь возможна, на наш взгляд, связь с пактом Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 года и секретным протоколом к нему. Именно по про-

токолу Финляндия была отнесена к сфере интересов Советского Союза.

В это время (конец лета – начало осени 1939 года) в армии стали восстанавливать офицеров запаса – финнов по национальности, ранее лишенных офицерских званий и права служить в Красной армии. В воспоминаниях участников тех событий хорошо показан этот процесс.

Так, П. М. Курхинен (ингерманландец, пенсионер, проживавший в Петрозаводске) был призван в Красную армию в 1930 году, после окончания офицерских курсов проходил службу сначала в Луге, а затем в Петрозаводске в артиллерийском дивизионе карельской егерской бригады; в 1932 году по истечении срока службы был уволен в запас. Несколько лет спустя его вызвали в один из ленинградских военкоматов, где сняли с воинского учета и выдали «белый билет». Подобное было проделано со многими офицерами запаса финской национальности, формулировка у всех была одна: «из-за невозможности использовать в РККА». Однако в конце лета 1939 года Курхинену вернули военный билет и восстановили в офицерском звании. В ноябре этого же года он был мобилизован и назначен командиром взвода первого артиллерийского полка ФНА [26; 290].

Что касается кадровых офицеров – финнов и ингерманландцев, то их судьба сложилась еще трагичнее: многие из них в 1935–1938 годах были арестованы и погибли в сталинских застенках. В 1939 году тех из них, кто еще остался в живых, освобождали из заключения и возвращали в армию.

В сентябре 1939 года в звании капитана Красной армии был восстановлен бывший кадровый военный Валтер Валли, арестованный летом 1938 года. В период Зимней войны он занимал должность заместителя начальника оперативного отдела штаба 1-го стрелкового корпуса. Начальник штаба 1-го артиллерийского полка корпуса Александр Кийранен, погибший в последние дни войны при взятии Выборга, попал в ФНА прямо из тюрьмы г. Минска. Полковник А. Алланэ накануне Зимней войны был освобожден из-под ареста и сразу же назначен командиром отдельного стрелкового полка ФНА, находившегося в составе 14-й армии на мурманском направлении. Таких примеров можно привести много.

29–30 ноября 1939 года основные соединения ФНА в составе двух стрелковых дивизий (СД), сформированных в Петрозаводске, были переброшены в ЛВО и сосредоточены на Карельском перешейке в полосе действий 7-й армии (командующий К. А. Мерецков). Небольшая часть ФНА в составе одного стрелкового полка под командованием полковника А. Алланэ была переброшена на участок 14-й армии (командующий В. А. Фролов) за полярный круг в район Петсамо со специальной задачей: после установления власти Народного правительства

в Хельсинки обеспечить охрану Финляндской Демократической Республики на финско-шведской и финско-норвежской границах. Таким образом, к моменту опубликования в советской печати Декларации Народного правительства Финляндии основное ядро 1-го корпуса ФНА действительно существовало и находилось на пути к только что занятому Красной армией городу Териоки.

Управление 1-го ГСК ФНА разместилось в Ленинграде на Фонтанке, 90; штаб корпуса – в Териоки. Еще до начала военных действий прошла экипировка бойцов Народной армии, причем здесь возник сложный вопрос: как обмундировать народоармейцев? Одевать их в форму РККА было нельзя, ведь перед всем миром было объявлено, что ФНА является армией независимой демократической Финляндии. Выход нашли: бойцов ФНА стали одевать в польскую армейскую форму, захваченную Красной армией в сентябре 1939 года в районах Восточной Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины), предварительно заменив польские конфедератки на шапки-ушанки и споров шевроны с белокрылым орлом. Вот как описывался внешний вид народоармейцев в советской печати в период Зимней войны: «На них зеленоватые шинели и шапки-треухи из светлого меха; плечевые ремни пропущены в погоны, в петлицах на воротниках треугольники; ремни новенькие, желтые» [23], [24].

До последнего времени трудно было определить численность и организационную структуру ФНА. Финляндские исследователи писали о двух или трех дивизиях, входивших в состав корпуса и насчитывавших от 6 до 10 тыс. человек. В статье Н. и В. Барышниковых, опубликованной в Финляндии в 1989 году, назывались три дивизии – две на выборгском направлении и одна в Суоярви [25; 22]. В книге «Зимняя война, 1939–1940: Политическая история» эти же авторы уточняют численность: «В конечном счете был образован 1-й корпус Финской народной армии в составе 1-й и 2-й дивизий, имевший два полка в каждой, а также отдельный танковый полк и авиационную эскадрилью». Общая численность созданных формирований достигла к середине декабря 18 тыс. человек [15; 183]. В романе О. Тихонова «Свидетель» приведены воспоминания кадрового военного, полковника в отставке А. М. Столярова, по словам которого в состав 1-го корпуса ФНА входили четыре дивизии: первые две дислоцировались на Карельском перешейке; третья – на северо-западе Карелии в районе Суоярви – Поросозера; четвертая – на мурманском направлении.

Но даже сейчас, когда исследователи получили возможность познакомиться с недоступными ранее документами Российского государственного военного архива (РГВА), в том числе и по Зимней войне, сложно дать полную картину формирования и военных действий ФНА. Дело

в том, что в течение всей зимней кампании шли переформирование и переброска отдельных соединений корпуса с одного участка фронта на другой, перемещение командиров и политработников с одной должности на другую, постоянное пополнение армии за счет добровольцев (в основном финнов и карел из Карелии и Ленинградской области).

Попытаемся все же восстановить этот процесс. Как уже отмечалось выше, в начале декабря 1939 года на Карельском перешейке в полосе 7-й армии были сосредоточены главные силы ФНА: 1-я СД (командир – полковник Алексей Александрович Гречкин, комиссар – батальонный комиссар Николай Александрович Дильденкин, с середины декабря 1939 года замененный на полкового комиссара Александра Федоровича Кириллова) и 2-я СД (командир – полковник Григорий Александрович Зверев, комиссар – сначала старший политрук А. В. Киуру, затем – полковой комиссар Н. А. Замков). Один стрелковый полк (командир – полковник А. Алланэ, военный комиссар – Н. Н. Сорокин) в составе 14-й армии находился на Кольском полуострове. В середине декабря 1939 года с Карельского перешейка на петрозаводское направление для выполнения специального задания был переброшен 5-й стрелковый полк ФНА. Вместе с ним выехал бывший комиссар 1-й СД Н. А. Дильденкин.

7 января 1940 года А. А. Жданов, О. В. Куусинен и А. М. Анттила направили письмо в адрес И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, в котором говорилось: «Кроме уже утвержденного наркомом обороны 1-го ГСК в составе двух стрелковых дивизий на Карельском перешейке просим с учетом дополнительного призыва утвердить: а) формирование на участке 8-й армии в районе Суоярви одной стрелковой дивизии; б) на участке 9-й армии в районе Ухты отдельного стрелкового полка; в) на участке Петсамо – Торнио пограничной дивизии. Одновременно просим Вашего указания командующим 8-й, 9-й и 14-й армий об обеспечении названных частей всеми видами довольствия» [10; 25].

Эта просьба была поддержанна Сталиным. На основе 5-го стрелкового полка на участке 9-й армии (командующий Г. М. Штерн) в районе Поросозеро – Суоярви была сформирована 3-я СД ФНА, командиром которой был назначен подполковник Т. А. Томмола, а комиссаром стал Н. А. Дильденкин. В первой половине января 1940 года на ухтинское направление в полосу действий 9-й армии (командующий В. И. Чуйков) был переброшен батальон (позднее переформированный в 7-й отдельный стрелковый полк ФНА) под командованием капитана Туоминена. В конце февраля 1940 года из-за неудачных действий подразделения Туоминен был снят с должности и заменен на Ивана Михайловича Петрова (Тойво Вяхяя). На мурманском направлении на участке 14-й армии отдельный стрелковый полк под командованием А. Алланэ был переформиро-

ван в 4-ю пограничную дивизию ФНА для охраны государственной границы будущей Финляндской Демократической Республики.

Таким образом, части ФНА были разбросаны на огромном протяжении фронта от Финского залива до побережья Баренцева моря. Однако говорить о том, что все они были полностью укомплектованы личным составом и хорошо вооружены, нельзя. Как показывает анализ архивных документов (особенно переписка командиров отдельных частей корпуса с А. Анттила, а его – с командующими 8-й, 9-й и 14-й армий), до конца Зимней войны эта проблема так и не была решена.

Командиры стрелковых дивизий ФНА постоянно обращались в штаб 1-го стрелкового корпуса в Териоки к А. Анттила с просьбой помочь в решении вопросов комплектования подразделений. Так, 15 января 1940 года командир 4-й стрелковой дивизии А. Алланэ сообщал в Териоки А. Анттила о том, что «полк развертывается в пограничную дивизию с целью охраны государственной границы в районе Петсамо и действует в полосе 14-й армии. Два пограничных полка дивизии уже укомплектованы, третий погранполк будет комплектоваться только при наличии людей и материальной части. Прошу Вашей помощи при его формировании. В дальнейшем число полков должно увеличиться до 5–6, чтобы полностью обеспечить охрану госграницы», и далее добавлял: «Не имея запасных комплектов национальной формы, я вынужден часть бойцов, вновь принятых в полки, обмундировать в форму РККА» [10; 26]. В середине февраля 1940 года об этих же проблемах – нехватке людей для формирования 3-й стрелковой дивизии и недостатке национальной формы – сообщал в Териоки ее командир Т. В. Томмола.

Вопрос о формировании ФНА стоял так остро, что ее командование в начале января 1940 года обратилось к Сталину с просьбой разрешить «произвести досрочный призыв граждан карел и финнов в Карелии, Ингерманландии и Калининской области, подлежащих призыву осенью 1940 года. Кроме того, разрешить произвести призыв в Карелии и Ингерманландии карел и финнов 1899 года рождения и частичный призыв граждан, находящихся на спецучете» [10; 25]. И эта просьба была удовлетворена.

Командующий ФНА А. Анттила в течение всей Зимней войны вел активную переписку с командующими 7-й, 8-й и 14-й армий по вопросам комплектования частей Народной армии. Приведем документ, характерный для этой переписки:

«01.02.40. Командующему 9-й армии комкору Чуйкову.

Искренне благодарен за оказываемую помощь части ФНА, действующей и формирующейся в районе вверенной Вам дивизии. Считаю нужным сообщить, что часть капитана Туоминена переформировывается в 7-й отдельный стрелковый полк ФНА. Прошу Ваших распоряжений

об укомплектовании личным составом указанного полка. Если в Вашем распоряжении не окажется националов (финнов и карел), можно комплектовать и русскими.

Впредь до получения национальной формы, которая шьется, нарком обороны разрешил обмундировать бойцов в обычновенную красноармейскую форму.

Уважающий Вас командующий ФНА комдив Анттила» [10; 53].

Большую помощь ФНА, особенно тем ее частям, которые дислоцировались на территории Карелии (3-я СД в районе Поросозеро – Суоярви и 7-й отдельный полк в районе Ухты), оказывал Карельский обком ВКП(б). К началу января 1940 года в 3-ю СД по линии обкома было отправлено 36 политработников, в том числе: секретарь Олонецкого райкома ВКП(б) Кюршунов (был назначен комиссаром полка олонецкого направления), инструктор обкома партии Бойцов (стал комиссаром полка ухтинского направления) и др. В районах республики, особенно в тех, где преобладало карельское население (Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ведлозерский и др.), в течение всей войны проводилась работа по вербовке добровольцев.

Только в 3-ю СД на 1 февраля 1940 года было завербовано 322 добровольца, а к 1 марта – уже 722. Заявлений о добровольном вступлении в ФНА, как показывают документы, было много, но надо признать, что некоторые райкомы партии не спешили удовлетворить все заявления. Они объясняли свою позицию тем, что отток в армию значительной части мужского населения может отразиться на выполнении хозяйственных планов. Так, по этой причине комиссия при Петровском райкоме ВКП(б) из 170 заявлений добровольцев, желавших вступить в ФНА, удовлетворила только 82 [4; 16].

Несмотря на все усилия, полностью укомплектовать части ФНА до конца Зимней войны так и не удалось. К концу января 1940 года укомплектованность Народной армии составляла: по старшему командному составу – 63 %, по младшему – 69 %, по рядовому – 61 %. Чрезвычайно низкой была укомплектованность транспортом: по легковым машинам – 35 %, по специальным – 8 %, по тракторам – 12 %. В частях ФНА ощущался острый недостаток лыж. И только стрелковым оружием нароноармейцы в основном были обеспечены [10; 39–40].

Периодическая переброска частей ФНА с одного участка фронта на другой, постоянное переформирование соединений, прибытие добровольцев и другие факторы чрезвычайно затрудняют определение численного состава ФНА. Сравнивая различные документы (боевые приказы по Управлению ГСК, политдонесения, переписку между командирами подразделений и др.), можно сказать, что к концу Зимней войны в ФНА насчитывалось около 18–20 тыс. человек.

В Карелии начали развертывать и авиационные подразделения Финской народной армии.

Под Петрозаводском появились самолеты со странными опознавательными знаками: вместо красных звезд на них были нанесены красно-сине-зеленые круги. Однако эти самолеты в боевых действиях участия не принимали [13; 201].

Народная армия создавалась в помощь правительству Куусинена, главная ее цель состояла в том, чтобы вслед за Красной армией войти в Хельсинки и обеспечить военную поддержку Народному правительству. Ее соединения располагались во втором эшелоне за войсками Красной армии, и использовать их на передовых позициях запрещалось. 1-я и 2-я СД на Карельском перешейке не были подчинены командующему Северо-Западным фронтом командарму 1-го ранга С. К. Тимошенко, а части ФНА, дислоцированные в Карелии и на Кольском полуострове, не подчинялись командующим 8-й, 9-й и 14-й армий. Все они были в непосредственном подчинении наркома обороны К. Е. Ворошилова.

В отечественной литературе по данной проблеме в последние годы утвердилась точка зрения, согласно которой ФНА вообще не принимала участия в боевых действиях, а после окончания Зимней войны ее части были расформированы (см., например: [19; 61]). Однако это утверждение не соответствует реальным фактам. Действительно, основные силы ФНА не были вовлечены в военные операции против финских войск, но небольшие воинские подразделения на Карельском перешейке и особенно на северном участке фронта принимали участие в боях совместно с войсками Красной армии. Учитывая, что данный вопрос практически не освещен в литературе, остановимся на нем подробнее.

С первых же дней Зимней войны во всех подразделениях ФНА была развернута боевая учеба, включающая тактическую, огневую, строевую, физическую, инженерную и химическую подготовку. Особое внимание уделялось лыжной подготовке. В дивизиях корпуса были сформированы специальные лыжные батальоны и роты для проведения разведки и осуществления диверсионных действий в тылу финских войск.

«Суровая природа Финляндии, глубокие сугаря, бездорожье требуют, чтобы каждый боец хорошо владел лыжами и мог выполнять на лыжах боевые задания», – писала в декабре 1939 года газета «Народная армия», издававшаяся политотделом корпуса на трех языках (русском, финском и карельском) и распространявшаяся среди нароноармейцев.

Как и было принято в то время, боевая подготовка осуществлялась в форме социалистического соревнования между отдельными подразделениями ФНА, итоги которого подводились в юбилейные или торжественные даты (60-летие со дня рождения И. В. Сталина, 22-я годовщина РККА и др.) и освещались в армейской печати. Впрочем, по свидетельствам очевидцев, в ФНА больше внимания уделялось не боевой, а политической подготовке. Во всех подразделениях

систематически проводились лекции, беседы, громкие читки газет. На политзанятиях с народоармейцами обсуждались следующие темы: «Декларация Народного правительства», «Обращение ЦК Компартии Финляндии», «Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой».

Особое значение придавалось печатной пропаганде. Кроме газеты «Народная армия» в частях ФНА распространялась газета «Kansan Valta» («Народная власть») – орган печати Народного правительства Куусинена. В публикациях газет подчеркивалось значение ФНА. Так, газета «Kansan Valta» в декабре 1939 года писала: «Финский народ уже заложил крепкий фундамент для создания своей Народной армии из лучших сыновей финского и карельского народов. Ее костяк, ее доблестный первый корпус растет и крепнет с каждым днем. Молодая Народная армия безгранично предана своему народу, правительству и Финляндской Демократической Республике, которым каждый боец дал несокрушимую воинскую клятву. Эта армия должна побеждать не только самоотверженностью и геройством своих бойцов, не только первоклассной техникой, но и высокой политической сознательностью бойцов» [11; 3].

Газеты регулярно сообщали о боевой и политической подготовке народоармейцев, публиковали их письма, носившие пропагандистский характер. Приведем одно из таких писем, помещенное в 38-м номере газеты «Народная армия». Пулеметчик Рейно Хелина пишет: «Я, боец Н-ского подразделения ФНА, понимаю задачу так – внезапными действиями атаковать и уничтожить белофинских бандитов... в любую минуту готов ринуться в бой, чтобы из своего верного пулемета смертельно бить врагов нашего народа» [11; 4]. В газетах были описаны практически все боевые операции, в которых участвовали подразделения ФНА.

Для поддержания морального духа народоармейцев использовались и другие средства идеологической работы. В середине декабря 1939 года в частях, дислоцированных на Карельском перешейке, были проведены митинги, собрания и встречи бойцов и командиров ФНА с председателем Народного правительства О. В. Куусиненом и членами этого правительства – министром земледелия А. Эйкия и министром финансов М. Розенбергом.

По сообщению ТАСС, 21 декабря 1939 года в Териоки состоялись торжественные митинги и собрания с участием членов Народного правительства, посвященные 60-летию со дня рождения И. В. Сталина. В принимавшихся на них резолюциях говорилось, что «бойцы и командиры ФНА клянутся т. Сталину до последнего дыхания бороться за дело освобождения трудового народа Финляндии, за победу Финляндской Демократической Республики, за дружбу народов Финляндии и Советского Союза» [11; 4]. Для

культурного обслуживания частей ФНА на основании указаний Военного совета ЛВО при политотделе корпуса были созданы ансамбль кантеллистов и Финский театр.

Такое внимание к политической работе с личным составом ФНА вполне объяснимо: перед Народной армией стояли особые задачи. Не случайно в приказах по корпусу постоянно подчеркивалось, что «главное внимание должно быть сосредоточено на усвоении каждым бойцом и командиром задач, стоящих в деле освобождения финского народа от диктатуры Маннергейма – Таннера и проведения в жизнь мероприятий, намеченных в Декларации Народного правительства Финляндской Демократической Республики, каждый боец должен быть подготовлен агитатором и пропагандистом для работы среди населения Финляндии» [9; 59]. Но несмотря на постоянную идеологическую работу, не все народоармейцы (в большинстве своем русские) осознавали «справедливые цели войны». Об этом свидетельствуют документы особого отдела корпуса, прежде всего отчеты его начальника – лейтенанта госбезопасности Райманнникова.

В отчетах отмечались факты «несознательного» поведения бойцов ФНА. Так, командир отделения 1-й роты 2-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии Н. В. Лазарев говорил: «Какой черт нам – рабочим и крестьянам – вести войну, пусть Stalin и Маннергейм воюют между собой». Боец штабной роты батальона связи 2-й стрелковой дивизии Кемчиков вел разговоры о том, «зачем начали войну с финнами, которая тяжело отражается на положении народа: моя семья голодает». Народоармеец отделения связи саперного батальона Володин, обращаясь к комсоргу Федорову, недоумевал: «Почему нас не спросили, когда решали отдать Финляндию территории, на которой мы проживали? Ведь это должен решать народ тех районов, которые подлежат передаче Финляндской Демократической Республике. Я бы высказал несогласие передать Финляндию территории, принадлежащую Советскому Союзу»¹.

Судя по документам, большинство народоармейцев, допускавших подобные высказывания, были арестованы, и дела на них были переданы в военный трибунал [7; 29].

Справедливости ради надо сказать, что были суждения и противоположного рода, вызванные чрезмерной идеологической обработкой. Так, боец 1-го взвода отдельного кавалерийского эскадрона Н. И. Локкин, карел, уроженец Сегозерского района, в беседе с народоармейцами говорил: «Карелия, согласно договору с Народным правительством Финляндии, должна отойти к Финляндии. Финляндия еще буржуазная, власть и порядок тоже буржуазные, то есть колхозов и советов не будет, а потому я на той территории, которая отходит к Финляндии, оставаться не желаю, ведь там опять будет эксплуатация рабочих

и крестьян» [10; 5]. С такими людьми, которые были «недостаточно политически грамотными», вели воспитательную работу, объясняя цели «большой политики».

Еще один интересный факт: принятие присяги бойцами ФНА. В официальной советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что ФНА действует совместно с РККА, но является независимой от нее армией, созданной трудовым народом Финляндии. У независимой армии должна быть своя присяга. В архивах имеется текст «Военной присяги ФНА», который начинается так: «Я, воин Народной армии Финляндии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все указания Народного правительства Финляндии, требования воинских уставов и приказы командиров и комиссаров...» [11; 5].

Сравнение текста присяги ФНА с текстом присяги РККА показывает, что они практически ничем не отличаются друг от друга, разве что в присяге ФНА Советский Союз заменялся на Финляндскую Демократическую Республику, а РККА – на ФНА. Но тогда это было не столь важно, потому что главная задача состояла в том, чтобы все национальные армии приняли присягу ФНА. Приказом по воинским частям ФНА 26 декабря 1939 года было объявлено днем принятия присяги личным составом корпуса. Подготовка к этому событию велась заранее: уже к середине декабря 1939 года было получено 14 тыс. экземпляров текста военной присяги ФНА.

Большинство национальных армий, особенно финнов и ингерманландцев, искренне веря в то, что война несет освобождение и счастье трудящимся Финляндии, с желанием принимали присягу. Так, боец батальона связи Иго, принимая присягу, заявил: «Все свои силы отдам для блага финского народа и социалистической Финляндии». Младший командир батальона связи Каттонен просил командование «скорее перебросить его на самые ответственные участки борьбы с белофиннами и тем самым оказать помощь Красной армии и трудовому народу Финляндии по уничтожению бандитов из лагеря щюцковцев». Бойцы кавалерийского эскадрона И. А. Берн, А. И. Свараль и другие при принятии присяги написали заявления о пожизненном зачислении в ФНА. Начальник политотдела корпуса В. П. Терешкин в одном из политдонесений в начале января 1940 года сообщал, что «имеются сотни заявлений бойцов о пожизненном их зачислении в Народную армию» [10; 21].

Вместе с тем случались и факты неприятия присяги ФНА, особенно со стороны русских. О них, в частности, писал в политдонесении комиссару 1-го ГСК ФНА Ф. И. Егорову комиссар 3-й СД Н. А. Дильденкин: «Командир отделения 5-го стрелкового полка Прокопьев, не понимая значения принятия военной присяги Народной

армии, пытался отказаться от нее, объясняя это тем, что он уже принимал военную присягу, когда был в РККА. После беседы комиссара полка Г. Ф. Агапова с Прокопьевым тот немедленно исправил ошибку и принял присягу ФНА» [4; 8–9]. В документах особого отдела корпуса также можно найти много примеров, когда бойцы, в основном русские по национальности, не хотели принимать присягу ФНА. И объяснение у всех было одно: они являются гражданами СССР, а не Финляндской Республики.

В деле принятия военной присяги возникли трудности и чисто организационного характера, связанные с процессом формирования ФНА. Начальник политотдела корпуса В. П. Терешкин в телеграмме в адрес военкомов дивизий и полков от 14 января 1940 года указывал: «В связи с переформированием частей корпуса и перемещением из части в часть командиров, политработников и рядового состава необходимо иметь полную ясность о том, кто из военнослужащих Народной армии принял военную присягу, а кто нет. Установите точный учет всех принявших и не принявших присягу и организуйте систематическое приведение к присяге всех вновь прибывших» [7; 1].

В начальный период Зимней войны основные силы ФНА не принимали в ней участия. Большинство бойцов и командиров, ничего не зная о политическом предназначении Народной армии, рвались в бой: национальные армии писали заявления с просьбой отправить их на передовые позиции или включить их в состав РККА. Моральное состояние многих из них в течение зимней кампании стало тяжелым – часть бойцов ощущала свою бесполезность и ненужность в тылу. Сказывалось и то, что стоявшие рядом подразделения Красной армии вели кровопролитные бои и несли большие потери.

Пребывание в состоянии пассивности во фронтовых условиях порождало отдельные негативные явления, особенно командиров тревожило пьянство. По словам Тойво Вяхяя, входившего в руководство штаба 1-го корпуса, это вызывало «чувство тяжелой боли» [13; 203]. Поднять настроение бойцам и командирам ФНА пытались члены правительства Куусинена, которые часто выступали в подразделениях Народной армии на темы общеполитического и воспитательного характера. Кроме того, как отмечают в монографии «Рождение и крах “Терийокского правительства”» Н. И. и В. Н. Барышниковых, в частях Финской народной армии активно стремились пресячь всякого рода «антисоциальные» и «антигосударственные» настроения. Прокуратура и трибунал 1-го корпуса Финской народной армии рассматривали по 10–15 дел в месяц. В частности, в период с 1 декабря 1939 года по 10 января 1940 года были рассмотрены и переданы в военный трибунал 13 дел. Военнослужащим трибунал выносил суровые наказания, некоторые даже были приговорены к расстрелу [13; 203].

Пассивность частей ФНА в период военных действий против Финляндии у части командного состава Красной армии вызывала неприязнь к бойцам Народной армии. Вот что сообщал в середине февраля 1940 года комиссар 3-й СД Н. А. Дильденкин в политдонесении комиссару 1-го ГСК ФНА Ф. И. Егорову: «До 25 января среди командного состава частей РККА, находящихся в Салми, где дислоцирован 6-й полк нашей дивизии, были разговоры, что Народная армия состоит из трусов, она не боеспособна, боится идти на острова, очищать их от белофиннов. Начальник политотдела дивизии Маркконен вынужден был поставить вопрос в Политуправлении 15-й армии (образованной на основе южной группы 8-й армии сортаавальского направления 11 февраля 1940 года. – С. В.) о прекращении этих разговоров, позорящих Народную армию, и одновременно разъяснил задачи частей ФНА заместителю начальника Политуправления 15-й армии» [4; 42–44]. Отметим, что вскоре эти разговоры прекратились. Но не потому, что хорошо поработали политработники, а потому, что в феврале 1940 года 6-й полк 3-й СД участвовал в боях с противником и проявил себя достойно.

Несмотря на то что части ФНА были подчинены только наркому обороны К. Ворошилову и участие их в боевых действиях запрещалось, тяжелая военная обстановка внесла коррективы в этот вопрос. Командование частей РККА, особенно 8-й и 9-й армий, дислоцированных в Карелии, с конца декабря 1939 года стало широко использовать подразделения ФНА для решения боевых задач. В течение всего января 1940 года разведчики 5-го и 6-го полков 3-й СД ФНА выполняли специальные диверсионные задания на участке 8-й армии: уничтожали склады боеприпасов в тылу финских войск, взрывали железнодорожные мосты, минировали дороги. Задания командования, как показывают архивные документы, народоармейцы выполняли хорошо: многие из них были представлены к правительстvenным наградам [4; 46].

В конце января – начале февраля 1940 года 6-й полк этой дивизии вообще перешел в оперативное подчинение 8-й армии РККА и в полном составе вел бой с финнами на острове Лункулансаари. Народоармейцы под руководством командира – майора О. Ахонена – успешно вели бой, продолжавшийся четыре дня, с противником, явно превосходившим их по численности. В результате удалось отстоять занятый этим полком остров Лункулансаари у побережья Ладожского озера [13; 202]. За проявленную храбрость некоторым из народоармейцев (командиру отделения конного взвода И. В. Васильеву, бойцу А. О. Кархонену и др.) была объявлена благодарность командования и выдана денежная премия.

Бои с участием сил Финской народной армии за остров Лункулансаари, проходившие с 22 по 28 января 1940 года, носили весьма кровопролитный характер. Подразделения 6-го полка по-

несли большие потери – до 60 % личного состава [13; 203]. В дальнейшем потери этого полка продолжали расти: только в одном бою 2 февраля 1940 года во 2-й роте 6-го полка было убито 6 и ранено 8 человек, среди убитых – карелы И. Г. Ларионов, Д. Т. Ларионов, Н. Д. Лангуев, Д. В. Кундозеров.

Получив сообщение от командира 6-го полка О. Ахонена о переходе его в подчинение 8-й армии, на место выехал командир 3-й СД Т. В. Томмола, и двойное подчинение было прекращено. После донесения Томмола в штаб ФНА в Териоки об указанных событиях командующий корпусом А. Анттила отправил телеграмму командующему 8-й армией Штерну, в которой говорилось: «По имеющимся у меня сведениям, со стороны командиров соединений вверенных Вам войск были попытки использовать части 3-й СД ФНА для решения частных боевых задач. Прошу разъяснить подчиненным Вам командирам, что части ФНА могут быть использованы только по личному указанию наркома обороны» [10; 54]. Двойное подчинение было отменено.

Однако, несмотря на такие предупреждения, на протяжении всей Зимней войны не прекращались попытки использовать отдельные подразделения ФНА в военных сражениях. Причем командование частей РККА, привлекая народоармейцев к боевым операциям, не всегда учитывало, что многие из них были необученными, необстрелянными, только накануне войны призванными в армию. Иногда это приводило к тяжелым поражениям и большим людским потерям. Так, посланный в район действий 9-й армии на ухтинское направление необученный и неукомплектованный батальон капитана Туоминена, который должен был переформироваться в отдельный 7-й полк ФНА, сразу же был брошен в бой. Командир батальона Туоминен также был недостаточно подготовлен, поскольку его призвали из запаса накануне войны. В силу этих причин действия батальона были неудачны: он не выполнил боевую задачу и понес существенные потери [10; 75].

Узнав об этом, командующий ФНА А. Анттила 23 февраля 1940 года направил телеграмму с протестом в адрес командующего 9-й армией В. И. Чуйкова и члена Военного совета этой армии Л. З. Мехлиса, в которой говорилось, что «батальон не должен был участвовать в боях, его задача – переформироваться в 7-й отдельный полк ФНА и закрепить освобождаемую РККА территорию Финляндии в улеаборгском направлении, очищая ее от остатков белофинских банд». Кроме того, А. Анттила 18 февраля сообщил об этом инциденте наркому обороны К. Е. Ворошилову: «Распоряжением командования 9-й армии и лично т. Мехлиса необученный и неукомплектованный, несформированный батальон используется для активных боевых действий. Прошу Ваших указаний о правильном использовании частей ФНА» [10; 89]. После это-

го капитан Туоминен был смешен со своей должности. Его заменил переведенный из штаба корпуса Тойво Вяхяя. Тем не менее подразделения 7-го отдельного полка продолжали проводить глубокие рейды в тыл финских войск. С января по февраль 1940 года они 6 раз участвовали в таких операциях. Однако все это приводило к потерям в живой силе и требовало соответствующего вмешательства «министра обороны» [13; 168].

Само командование Народной армии строго выполняло указания Сталина и Ворошилова об особом назначении частей ФНА. В переписке А. Анттила с командирами подразделений РККА и ФНА постоянно подчеркивался особый статус корпуса. Приведем для примера одно типичное сообщение:

«Командиру 3-й СД ФНА полковнику Т. Томмола.

Не увлекайтесь решением частных боевых задач, больше занимайтесь боевой подготовкой. Помните – боевое использование наших частей впереди.

Командующий ФНА комдив А. Анттила. 25.02.40. Териоки» [10; 90].

Части ФНА должны были составить основу Вооруженных сил Финляндской Демократической Республики. Именно поэтому перед командным составом Народной армии, который, как уже отмечалось выше, в большинстве своем состоял из русских, была поставлена задача овладеть финским языком. С этой целью в штат воинских частей специально ввели преподавателей финского языка. Однако обучение продвигалось с трудом. Возможно, командирам некогда было заниматься, а может быть, язык оказался слишком трудным для освоения. И, вероятно, не случайно начальник штаба корпуса комбриг Ф. Н. Романов 3 марта 1940 года издает специальный приказ по Управлению ФНА № 26 «Об изучении финского языка комсоставом Управления корпуса». В частности, в нем говорится: «Из доклада учителя финского языка явствует, что посещаемость занятий комсоставом низкая. Из 25 человек, изучающих финский язык, на занятиях присутствует 3–4 человека. Напоминаю, что изучение финского языка не добровольное дело, а служба, и посещение занятий является обязательным для тех, кто не знает языка. Строго предупреждаю всех, что в дальнейшем на лиц, отсутствующих на занятиях без уважительных причин, будет накладываться дисциплинарное взыскание» [8; 34].

Не совсем увязывались с декларируемыми политическими задачами и русские фамилии командования ФНА. Поэтому во время Зимней войны его представители стали менять свои фамилии на финские: военный комиссар корпуса Ф. И. Егоров стал подписыватьсь фамилией Аалто, начальник штаба корпуса Ф. Н. Романов – Райкаас, начальник политотдела В. П. Терешкин – Тервонен и т. д.

Среди стоящих перед руководством Народной армии проблем особо остро стоял вопрос

обеспечения командными кадрами. Для решения этой проблемы 9 февраля 1940 года начинают функционировать краткосрочные курсы по подготовке младших лейтенантов. На них готовились и офицеры-политработники, часть которых предполагалось использовать позднее для специальной пропаганды среди населения Финляндии. Как вспоминал бывший боец 3-й дивизии, карельский писатель О. Степанов, после окончания курсов политсостава в Суоярви он «был предназначен в Тампере» [13; 205].

Перед наступлением советских войск в феврале 1940 года в Ставке Главного командования РККА решали вопрос об участии в военной операции формирований ФНА: разместить ли ее силы по всему советско-финляндскому фронту или сконцентрировать их на главном направлении (Карельский перешеек). В этой связи Н. И. и В. Н. Барышниковы пишут: «За девять дней до решающего наступления Красной армии на Карельском перешейке, 2 февраля 1940 г., Ставка запросила у Анттила: “Не следует ли вернуть в корпус все части Народной армии?” Очевидно, имелось в виду, что после прорыва линии Маннергейма вся она в едином составе будет осуществлять продвижение на важнейшем хельсинкском направлении. Но Анттила ответил, что “части финской Народной армии целесообразно оставить в районах указанных армий”, т. е. в местах прежнего размещения войск. Остается только размышлять, чем он руководствовался, давая такой ответ. Во всяком случае, на Карельском перешейке продолжали находиться только две дивизии 1-го корпуса» [13; 205].

В отечественной литературе нет единой точки зрения на вопрос об участии в боевых действиях частей ФНА в последние дни Советско-финляндской войны. Петрозаводский историк И. Р. Такала в статье «К вопросу о Финской народной армии», основанной в основном на воспоминаниях народоармейцев, отмечает, что в начале марта 1940 года, когда стало очевидным, что война близится к концу, части 1-й и 2-й СД ФНА, находившиеся на Карельском перешейке, были отправлены на передовую. Для большинства народоармейцев первым боевым крещением стало взятие города Выборга. По воспоминаниям очевидцев, это было кровопролитное сражение: наступление на Выборг шло буквально по трупам. Для многих плохо обученных и неопытных бойцов ФНА первое же сражение оказалось последним [26; 292]. Штурм Выборга проходил в последние часы войны, когда уже завершались переговоры с Финляндией и было очевидно, что город отойдет СССР. Об участии частей ФНА в штурме Выборга пишет и петрозаводский историк В. Г. Макуров: «Для большинства народоармейцев взятие г. Выборга явилось первым боевым крещением» [18; 589].

Другой позиции придерживаются петербургские историки Н. И. и В. Н. Барышникова, от-

мечая, что «когда развернулись бои за Выборг, то отдельные артиллерийские подразделения “народной армии” приняли участие в подавлении огневых точек оборонявшихся и в отражении контратак финских войск. Это происходило на участке наступления 43-й стрелковой дивизии. Последовало также распоряжение, чтобы после взятия Выборга части “народной армии” осуществляли охрану отдельных его объектов и занимались сбором трофейного оружия. Таким образом, даже на заключительном этапе войны “народная армия” не принимала активного участия в наступлении, а выполняла преимущественно вспомогательные задачи, занималась прикрытием тыла и флангов продвигавшихся вперед соединений и частей 7-й армии» [13; 207].

После окончания Советско-финляндской войны принципиальное решение о судьбе ФНА было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 24 марта 1940 года и оформлено в этот же день в постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по преобразованию Карельской АССР в Карело-Финскую Союзную Социалистическую Республику». 13-й пункт этого постановления гласил: «В соответствии с решением не иметь в республиках национальных формирований Красной армии расформировать финский корпус как самостоятельное воинское соединение, поручив НКО направить начальствующий и рядовой состав финского корпуса на укомплектование существующих частей Красной армии» [1; 5].

На основании этого решения был принят приказ наркома обороны СССР № 0015, по которому началось расформирование частей ФНА. Бойцов снова переодевали в красноармейскую форму, добровольцев увольняли в запас. Войсковые соединения ФНА позднее составили ядро 71-й стрелковой дивизии Красной армии.

Интересные материалы о формировании этой дивизии можно найти в личном архиве первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова, который хранится в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). Он пишет: «В конце марта 1940 года у Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, командир первого корпуса ФНА А. Анттила и я. Анттила просил Сталина разрешить формирование из личного состава корпуса карело-финской национальной дивизии. Stalin ответил, что несколько лет назад на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение не иметь в составе Вооруженных сил национальных формирований². Но после обсуждения было решено сформировать из карел, финнов, вепсов и русских, находившихся в составе корпуса, обычную 71-ю стрелковую дивизию» [5; 175–176]. «И хотя в ней будут преобладать карелы, финны и вепсы – не будем называть ее национальной, – сказал Stalin. – А дислоцироваться пусть она будет у вас в Карелии» [5; 175–176].

Первым командиром 71-й СД стал А. Анттила; командиром 52-го стрелкового полка был назначен финн А. Алланэ; 206-го стрелкового полка – карел В. Ф. Алексеев; 126-го стрелкового полка – финн И. М. Петров (Тойво Вяхя); комиссаром дивизии – олонецкий карел Ф. И. Егоров; командиром саперного батальона – финн Т. Алтонен [5; 176]. Начальником политотдела 71-й стрелковой дивизии был назначен полковой комиссар В. П. Терешкин, уроженец Карелии, по национальности русский, но хорошо знавший финский язык [5; 175–176].

Для многих национальных формирований ФНА было неожиданным и означало крушение всех их надежд. 13 марта 1940 года, как только в частях ФНА стало известно о прекращении войны, бойцы засыпали командиров и политработников вопросами: что предпримет Народное правительство Куусинена и что будет с Народной армией? почему СССР заключил мир с правительством Рюти, хотя раньше отвергал предложения этого правительства? и т. д. Многие финны высказывали недовольство. Так, командир 5-го стрелкового полка 3-й СД Анттиайнен (однофамилец Т. Анттиайнена) заявил, что мирный договор между Советским Союзом и Финляндией деморализует финнов в деле борьбы с белофиннами. Боец роты связи этого же полка Куммула так выразил свое недовольство заключением мира: «Я оставил в Финляндии свою семью и дом, добровольно пошел в Народную армию для того, чтобы освободить свою семью и попасть домой. А раз так случилось – то меня сейчас же демобилизуйте» [4; 46].

Это разочарование в итогах Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, которое испытывали многие национальные формирования, пытались позднее в какой-то мере исправить бывшее командование Финской национальной армии. После окончания войны командование ФНА неоднократно ставило вопрос перед руководством страны о награждении особо отличившихся в боях с противником национальных формирований. Так, 13 июля 1940 года секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову из Петрозаводска было направлено письмо за подписью бывшего командующего ФНА, а в данный момент депутата Верховного Совета СССР и члена президиума Верховного Совета КФССР генерал-майора А. М. Анттила и бывшего военного комиссара ФНА, депутата Верховного Совета КФССР Ф. И. Егорова, в котором говорилось: «На основании указаний тт. Сталина и Ворошилова под Вашим руководством в ноябре 1939 г. был сформирован корпус Финской национальной армии в составе 4 дивизий и 1 отдельного стрелкового полка. В борьбе с белофиннами части корпуса совместно с частями РККА выполняли частичные боевые задачи на Карельском перешейке, петрозаводском и кемском направлениях. После заключения мирного договора лучшие бойцы и командиры, показавшие храбрость в боях, были представлены к награждению орденами и меда-

лями Советского Союза (192 человека). Список был направлен в Секретариат Президиума ВС СССР, но не был подписан, и секретарь т. Горкин требует Вашего согласия. К нам часто поступают письма и запросы о том, почему никто из состава ФНА не был награжден. Но ответить мы не можем, ибо не знаем причин. Список согласован с секретарями ЦК КП(б) КФССР Куприяновым и Сорокиным, Председателем Президиума ВС КФССР Куусиненом, проверен представителями Особого отдела НКВД. Вопрос о награждении бойцов ФНА имеет большое политическое значение и поднимет энтузиазм карело-финского народа» [6; 62–63]. В личном фонде А. А. Жданова, который хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, ответа на это письмо обнаружить не удалось.

Уже во время Великой Отечественной войны, 11 августа 1941 года, бывший командующий ФНА генерал-майор А. М. Анттила повторно направил в адрес командующего северо-западным направлением, Маршала СССР К. Е. Ворошилова, копию списка бойцов и командиров ФНА, представленных к правительственные наградам в 1940 году (192 человека). В конце списка Анттила сделал приписку о том, что вопрос о награждении в данных условиях имеет огромное политическое значение [6; 64]. Однако и Ворошилов не ответил на этот запрос.

По словам нароудоармейцев, с которыми нам удалось повстречаться и поговорить, они не получили наград за службу в ФНА. Орденами и медалями бывшие бойцы Народной армии были награждены позднее – за участие в Великой Отечественной войне, когда они в рядах Красной армии сражались против армий Германии и ее союзников, в том числе и Финляндии. Это вполне понятно: когда провалился план Сталина относительно целей правительства Куусинена и его армии, награждать бойцов ФНА не было необходимости.

До сих пор одним из белых пятен в истории ФНА остается вопрос о формировании и действиях ее военной контрразведки. В конце 1939 года начальник отделения контрразведки УГБ НКВД Ленинградской области майор Василий Иванович Райманников был откомандирован на должность начальника военной контрразведки Финской народной армии. Ответ на вопрос, с чем связано это решение, попытался дать исследователь истории спецслужб Карелии и Финляндии Э. П. Лайдинен: «В. И. Райманников с 1932 г. работал на оперативных и руководящих должностях в ГПУ–УНКВД–НКВД Карелии и, по оценке руководства, зарекомендовал себя опытным и смелым работником. Он хорошо знал жизнь и быт карельского и финского народов. Немалую роль сыграл и тот факт, что Райманников был женат на вепсянке Антонине Федоровне Райманниковой (девичья фамилия – Принцева), которая родилась в 1914 г. в с. Шокша Шелтозерского района. В семье росло 3 детей. 4 января 1932 г. его назначили на должность помощника

уполномоченного Особого отдела УГБ НКВД отдельной карельской егерской бригады» [17], [3; 21]. «Недолго прослужив на этой должности, он тем не менее лучше узнал характер и менталитет красных финнов и карел. Уже в первой половине 1933 г. его переводят помощником оперуполномоченного Особого (контрразведывательного) отдела ГПУ Карелии. В июне 1933 г. Райманников с группой коллег участвует в ликвидации в Сегозерском районе Карелии бежавшей из лагерей ББК вооруженной банды, которая планировала провести “террор над коммунистами, ответственными работниками райисполкомов и райкомов партии, налеты на раймилицию, райотделение ГПУ, освобождение арестованных и в конечном счете переход всей бандой в Финляндию для получения боевой и материальной помощи”. При ликвидации банды Райманников был тяжело ранен в грудь. За проявленную инициативу и смелость, благодаря которым была ликвидирована банда, Райманников руководством Полномочного представительства ОГПУ в ЛВО был награжден боевым оружием с надписью “за беспощадную борьбу с контрреволюцией от ПП ОГПУ в ЛВО”» [3; 21]. До сих пор в архивах пока не найдена какая-либо информация о деятельности Райманникова в качестве руководителя военной контрразведки ФНА, да и результаты деятельности самой военной контрразведки ФНА, думаю, следует прояснить в ходе дальнейшего изучения вопроса» [17].

По окончании Советско-финляндской войны В. И. Райманников возглавлял созданные на при соединенных от Финляндии территориях Выборгский и Кякисалмский городские отделы НКВД, во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника 2-го (контрразведывательного) отдела, а затем и начальником 4-го отдела НКВД–НКГБ Карело-Финской ССР.

Подводя итоги исследованию вопроса о ФНА, можно сделать вывод о том, что вся история с Народной армией, точно так же, как и с созданием Народного правительства Финляндии в Териоки, была сознательной политической акцией тогдашнего руководства Советского Союза, стремившегося не только решить главную стратегическую задачу – отодвинуть границу от Ленинграда, но и по возможности экспорттировать в соседнюю Финляндию правительство Куусинена. Но этих целей, в которые искренне верили многие бойцы Народной армии, не суждено было достигнуть.

Как в деле формирования и деятельности правительства Куусинена, так и в вопросе создания и пополнения частей ФНА руководство СССР огромное место отводило Советской Карелии, ее партийно-советскому активу и жителям республики. Именно финно-угорское население Карелии (карелы, финны, ингерманландцы, вепсы) должно было составить костяк ФНА. После окончания Зимней войны и расформирования частей ФНА для многих ее бойцов мир-

ный период был очень кратким. Большая часть бывших нароноармейцев с начала Великой Отечественной войны была призвана в ряды Крас-

ной армии и сражалась с войсками фашистской Германии, а на северо-западном участке фронта с ее союзницей – Финляндией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Речь идет о том, что в самом начале Зимней войны между СССР и провозглашенной Финляндской Демократической Республикой был заключен договор. Согласно ему, Финляндия передавала СССР территорию на Карельском перешейке площадью 3970 км². Взамен этого СССР отдавал территории Советской Карелии площадью 70 тыс. км².
- ² Национальные формирования стали создаваться только в ходе Великой Отечественной войны в соответствии с решением ГКО СССР от 13 ноября 1941 года.

ИСТОЧНИКИ

1. АПРФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 378.
2. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 9. П. 2.
3. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 13. П. 1.
4. КГАНИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 445.
5. НА РК. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 116.
6. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 47.
7. РГВА. Ф. 31921. Оп. 1. Д. 2.
8. РГВА. Ф. 31921. Оп. 1. Д. 26.
9. РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1.
10. РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 13.
11. РГВА. Ф. 34980. Оп. 8. Д. 13.
12. РГВА. Ф. 34989. Оп. 9. Д. 13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

13. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Териокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 363 с.
14. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
15. Зимняя война, 1939–1940: Политическая история. Кн. 1. М.: Наука, 1999. 382 с.
16. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
17. Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии (1939–1944 гг.). В печати.
18. Макуров В. Г. Советско-финляндская война, 1939–1940 гг. // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 583–593.
19. Мельтюхов М. Правители без подданных // Родина. 1995. № 12. С. 60–63.
20. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск: Карелия, 1997. 387 с.
21. Правда. 1939. 1 декабря.
22. Правда. 1939. 4 декабря.
23. Правда. 1939. 5 декабря.
24. Правда. 1939. 10 декабря.
25. Bagusnikov N., Bagusnikov V. Sota oli lyhyn mutta ankara // Sosialismin teoria ja käytäntö. 1989. № 45. S. 22.
26. Takala I. Kysymys Suomen kansanarmeasta // Talvisota, Venäjä ja Suomi. Helsinki, 1991.